

Неразгаданный гений Виолеты Парра

В.А. Деменина

(материал опубликован на www.tiwy.com)

«Творчество Виолеты Парра - это квинтэссенция всего самого чилийского и одновременно - самое универсальное в Чили», - так объясняют местные искусствоведы феноменальную популярность творчества этой женщины у себя дома и за рубежом, в том числе в тех странах, которые почитаются «мекками» мирового искусства. Стало традицией: когда представительная чилийская делегация отправляется с официальным визитом, «культурная часть» программы обязательно включает выставку картин и вышитых холстов Виолеты Парра, а также концерт с исполнением ее песен.

В культурной жизни Чили фамилия Парра пользуется непререкаемым авторитетом. Этому почету многочисленный «клан Парра» обязан не только патриарху творческой интеллигенции Чили, ученому-физику и «анти-поэту» Никанору Парра, которого чилийцы хотели бы видеть еще одним Нобелевским лауреатом в области литературы, но в первую очередь - его младшей сестре Виолете.

Виолета Парра стремилась охватить самые разные области творчества: сочиняла музыку, пела, писала картины, вышивала ковры. Она была творцом от природы: не зная нотной грамоты, Виолета сочиняла песни - и слова и музыку. Ее песню «Спасибо жизни» («Gracias a la vida») чилийцы единодушно признали лучшим национальным произведением XX века в песенном жанре. Виолета никогда профессионально не училась рисованию, но, словно «по наитию» создавала картины, которые еще при ее жизни выставлялись в Лувре и имели международный успех.

То, что успела сделать за свою нелегкую, а порой и драматичную, жизнь эта чилийская женщина, не поддается рациональной оценке или интерпретации. Она творила, словно озаренная какой-то высшей духовной силой. Наверное, она ясно понимала, в чем состоит ее миссия на земле: воплотить в своем творчестве созидательный потенциал народа, неотделимой частичкой которого она являлась. Она так и говорила своим детям, заканчивая очередной ковер или картину: «Это я не для вас делаю, - для чилийского народа». Образы, символы, метафоры, почерпнутые из неиссякаемого фольклорного источника, - вот в чем основа ее уникальной и неповторимой универсальности.

Виолета Парра родилась 4 октября 1917 года в маленьком бедном городке Сан-Карлос. Сельскохозяйственная провинция Ньюбле была «малой родиной» и для других великих чилийцев - Основателя чилийской нации Бернардо О'Хиггинса, пианиста Клаудио Аррау, писательницы Марты Брунет.

Мать Виолеты - донья Клариса, - была портнихой, отец, дон Никанор, - учителем начальной школы, трамвайным контролером, смотрителем в тюрьме, а чаще - безработным. В семье было 8 детей, и казалось, что эта беднота с городской окраины обречена на безвестность и прозябание. Но было нечто спасительное в жизни семьи Парра: в ней культивировали песню. Отец играл на гитаре, мандолине, скрипке, знал много песен: он подрабатывал, выступая на соседских праздниках, будь то крестины, свадьбы или похороны. Пела и мать, занимаясь ежедневным домашним трудом или колдуя за швейной машинкой. Не удивительно, что уже к 10 годам девочка знала много песен из репертуара родителей и, несмотря на запрет, освоила отцовскую гитару. Отец поощрял своих одаренных детей, награждая монеткой того, кто быстрее запоминал новую песню.

В поисках работы семья Парра часто переезжала с места на место: Сан-Карлос, Чильян, Лаутаро, Темуко. Во время одного из таких переездов Виолета заразилась оспой и еле выжила. В тот год две больших эпидемии - гриппа и оспы - прошли-прокатились по чилийской территории, унеся тысячи жертв. Всю жизнь, больше всего в подростковом возрасте, Виолета стеснялась своего изуродованного оспой лица, но не впадала в отчаянье, а старалась

компенсировать тщательно скрываемые переживания успехами в учебе и артистическими достижениями. Безжалостные ровесники не могли соперничать с ней, когда она выступала на школьных праздниках.

Вот как описывают ее современники: «Была невысокой, худенькой, но крепкой, с длинными темно-каштановыми волосами, кожей, помеченной оспой, и неровными зубами. И при этом - необыкновенный магнетизм, который возмещал недостаток красоты. В нее влюблялись». Это написала Марго Лойола, известная исполнительница чилийских народных песен, друг Виолеты и ее соперница по сцене.

«Она была своеобразной личностью, не похожей ни на кого. В ней было много крестьянского, что она, впрочем, и не пыталась скрывать. Еще своеобразнее была ее речь - правильная, искренняя, но очень прямая, без лишних преамбул. А это не свойственно чилийцам, которых с детства приучают к сдержанности: все время нужно «просить разрешения» и говорить «пожалуйста». Она же, хотя и была скромной, никогда не извинялась, если хотела что-то сказать, - и говорила, не спрашивая разрешения». Такой Виолету увидела и запомнила аргентинская артистка Вероника Оддо.

В семье Виолета больше всего дружила со своими погодками - сестрой Ильдой и братьями Эдуардо и Роберто. Любимый старший брат Никанор рано проявил блестящие способности и большую часть времени посвящал учебе и репетиторству. «Юная четверка» после занятий в школе тоже старалась зарабатывать на жизнь: они продавали газеты, чистили обувь, мыли посуду и прислуживали в соседской закусочной. Когда в окрестностях разбил шатры цыганский табор, «четверка» быстро сдружилась с его обитателями. Малышка Виолета усвоила секреты гадания и была настолько убедительной в интерпретации «нитей жизни» на ладони, что восхитила этим цыган, которых было трудно чем-либо удивить. Они долго уговаривали донью Кларису отпустить с ними девочку, сулили за нее немалый выкуп, говорили, что Виолета со временем разбогатеет и «озолотит» семью. Но сделка, конечно, не состоялась: донья Клариса прочно стояла на земле и в призрачные цыганские обещания будущего процветания не поверила...

Когда отец умер (в 1930 году), «четверке» пришлось полностью взвалить на себя заботу о материальном обеспечении семьи. Никанор учился в столице, а заработка матери было недостаточно, чтобы прокормить всех. Учеба юной поросли Парра отошла на второй план. Братья устроились в бродячий цирк, а сестры - Виолета и Ильда - образовали музыкальный дуэт и пели в пригородных поездах или, как некогда отец, у соседей на праздниках. Зарабатывали мало, но выручала щедрость зрителей, которые одаривали «бродячих артистов» хлебом, яйцами, цыплятами и мешочками с фасолью.

Всей семьей читали письма Никанора. Чтобы не тревожить родных, он не жалел красок, описывая свою студенческую жизнь в Сантьяго. Письма волновали и манили. И однажды Виолета, закончив импровизированный концерт в поезде с романтическим названием «Южная стрела», решительно объявила, что прямо сейчас уезжает к брату за синий горизонт, и попросила сестру объяснить с матерью.

В 1933 году пятнадцатилетней девчонкой она появилась в Сантьяго, где ее никто не ждал. Брат жил в университетском общежитии, для сестренки места не было. «Я сама позабочусь о себе, с гитарой - не пропаду», - успокоила она брата. Жилье ей все-таки нашли у кого-то из многочисленных родственников. Снова записали в школу. Виолета быстро освоилась в миллионном городе, в школе и, главное, - в кругу друзей брата. Мир студентов-интеллектуалов поразил ее и темами разговоров, и отвлеченной лексикой, и вообще иным подходом к жизни, далеким от унылой борьбы за физическое выживание.

Не удивительно, что она влюбилась в одного из студентов, который охотнее других разговаривал с юной провинциалкой. Однажды Виолета вручила ему тетрадь: «Мне приснился сон, я записала его. Возьми». Это было признание в любви. Изумленный студент засунул тетрадку подальше в ящик письменного стола и предпочел уклоняться от встреч с Виолетой. Через несколько дней тетрадь с признанием таинственным образом исчезла, но осталась записка: «Я унесла мой сон. Виолета.»

Когда в Сантьяго перебралась вся семья, стало окончательно ясно, что пение - единственное, что умеют делать братья и сестры с известной долей профессионализма. И как не сопротивлялась мать, считавшая артистическую карьеру детей не слишком подходящей перспективой, они начали по вечерам - с 6 до 12 часов - выступать в ресторане «Ла Популар» на улице Матукана, 1100. Он и стал первыми подмостками «квартета Парра» в Сантьяго. Репертуар отвечал запросам почтеннейшей публики: артисты исполняли чувствительные болеро, мексиканские ранчерас и чилийские куэки. Постепенно именно на Виолету легли все заботы о репетициях, организации выступлений и даже пресечению непристойных приставаний подвыпивших слушателей. Между тем, слава о «квартете Парра» и «дуэте сестер Парра» вышла за пределы «Ла Популар», и их начали приглашать на другие «сценические площадки» в народных «баррио» Сантьяго.

В 1938 году Виолета вышла замуж за железнодорожника Луиса Сереседу, в том же году родилась первая дочь Исабель, за ней - сын Анхель. Но сама жизнь по-прежнему не была легкой. Муж был активным членом компартии и, конечно, привлек Виолету к общественно-политической работе: обеспечивать питанием беднейшие семьи, проводить праздники, участвовать в демонстрациях протеста. Так жизнь Виолеты оказалась связанной с коммунистами. Позднее, в середине 40-х годов, когда были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, она стала непременным участником мероприятий, проводившихся Домом чилийско-советской дружбы. Один из тогдашних борцов с коммунизмом в Чили - Фернандес Ларраин - даже включил имя Виолеты в списки «подрывных элементов», которые регулярно предавал гласности в реакционных газетах.

Партийные поручения и домашний быт не поглощали Виолету полностью. Будучи хорошей хозяйкой, искусной поварихой, занимаясь детьми, которых она сама учила школьным премудростям, Виолета, с ее невероятной созидательной энергетикой, находила время для творчества. У нее появилась «заветная тетрадь», в которую она записывала свои стихотворные опыты. Стихи приходили как по наитию. Их искренность опаляла, а мелодика слов зачаровывала.

Продолжались и выступления с концертами. Репертуар «дуэта» и «квартета Парра» значительно расширился. Вместе с испанскими беженцами, прибывшими в Чили на борту судна «Виннипег», снаряженного Пабло Нерудой, нагрянула мода на испанские песни и танцы. Это общее увлечение не миновало и Виолету: ее стали называть королевой пасодобля, фаррукас и севильянас. Опаленные гражданской войной испанцы не могли сдержать слез, слушая песни своей родины в исполнении чилийской певицы.

Немногие уцелевшие фотографии тех лет сохранили облик красивой молодой женщины, одетой по последней моде, как и подобает артистке, имеющей успех. «Модную одежду» сестры Парра, конечно, выписывали не из Парижа или Нью-Йорка, а покупали в магазинчике «секонд-хэнд», сын хозяйки которого - Луис Арсе - стал страстным поклонником артистического таланта Виолеты. К этому времени ее муж-железнодорожник был переведен в один из провинциальных городков. Виолета осталась в Сантьяго. Компаньеро Луис Сереседа, несмотря на свою партийность, не мог отказаться от пережитков «домостроя» в своих взглядах на семейную жизнь. Жена-артистка в них никак не вписывалась.

Луис Арсе, который был намного моложе Виолеты, стал через некоторое время ее вторым мужем, отцом двух младших дочек.

В 1952 году, по идее Арсе, набрали труппу «варьете» - кроме дуэта «Сестры Парра» и их детей, были наняты другие артисты - комик, певцы, танцоры и даже фокусник. Подготовили программу, чтобы ездить с концертами по чилийской глубинке, обделенной зрелищами и развлечениями. Энергичная Виолета была, как уже повелось, режиссером, администратором, ведущей программы. Она сочиняла сценарии, распределяла номера, рисовала декорации. Первая же поездка на север Чили оказалась провальной. Разношерстная труппа не вынесла гастрольных неудобств, безденежья, внутренних конфликтов. В конце концов, все перессорилось, и труппа приказала долго жить. Не лучшим образом обстояли дела в «Квартете Парра». Сначала «откололась» Ильда: ее переманили в известный ансамбль «Лас Торкакас». Потом круто изменилась и жизнь самой Виолеты.

После учебы в Англии вернулся брат Никанор, и Виолета решила показать ему свои стихи, свои «тайные записи» последних лет. По собственному признанию Никанора, он был потрясен. Он понял, что отныне его отношение к Виолете вышло за чисто родственные рамки. Он всегда был против того, чтобы сестра растрчивала себя в дешевых концертах. Теперь же он твердо сказал ей, что пора искать свой собственный путь в искусстве. По его мнению, «ключом» к творческому самораскрытию Виолеты могла стать народная песня, которую она любила с детских лет. Может быть, настала пора серьезно заняться ее изучением и популяризацией?

В те годы в стране существовало несколько дуэтов, которые специализировались на исполнении народных песен, самые известные из них - «Сестры Акунья», «Сестры Лойола». Их голоса иногда звучали по радио, если удавалось пробиться через «частокол» коммерческих музыкальных программ, в которых безраздельно царил чужеземный рок-н-ролл. Пользовались определенным успехом народные ансамбли, типа «Уасос Кинчерос» и «Четырех Уасос». Подобные музыкальные группы создавались в коммерческих целях. Для большей экзотичности, певцы одевались в театрализованные костюмы «чилийских ковбоев», щеголяли черными широкополыми шляпами, звенели серебряными шпорами невероятных размеров. На зрителя это действовало безотказно. Но содержание песен, тонад и куэк, входивших в репертуар таких гастрольных групп, было далеко от реалий чилийской глубинки. Доминировали опереточные страсти влюбленных, запредельный сентиментализм, да пикантные ситуации с неверными мужьями и женами.

Виолета Парра внутренне не принимала таких «неофольклорных» поделок, считала их эрзац-песнями, «дешевыми открытками с видом на гольф-клуб». В прошлом Виолета не раз предлагала Ильде петь то, что, по ее мнению, и было подлинно народной песней. Сестра противилась, опасаясь, что «публике это не понравится». Но теперь, после беседы с Никанором, Виолета приняла решение. В 1953 году без всякой согласованной научной программы и специальной подготовки она отправилась в свою первую фольклорную экспедицию. Она хорошо знала, чем будет заниматься: это поиск неизвестных народных песен, изучение обрядов и традиций обитателей отдаленных чилийских селений. В академических кругах на нее смотрели как на «чудачку» и «самозванку», но она совершила невероятное, преодолев тысячи километров - от пустыни Атакама до острова Чилоэ, собрала и сохранила для потомства тексты сотен народных песен!

Не надо думать, что до нее чилийский фольклор был обделен вниманием. Его начали изучать еще в 1909 году, когда Родольфо Ленц организовал Фольклорное общество, которое собирало стихи народных поэтов-песенников, поскольку интересовалось, прежде всего, текстами, а не музыкой. В 40-е годы Институт изучения фольклора при университете Чили привлек известные фольклорные группы и записал несколько пластинок с их репертуаром. В то же время академики-исследователи считали, что чилийский фольклор «беден» и никогда не достигнет широкого распространения, подобного мексиканской народной песне, которая завоевала тогда популярность во многих странах Латинской Америки. Но у Виолеты было свое понимание жанра: для нее народная песня была криком отчаяния и боли, воплощением надежды «тех, кто внизу» на счастливую жизнь, верным способом передачи «посланий» в будущее, своим потомкам.

Увлеченная новым занятием, Виолета надолго исчезала из дома, ездила по провинции, шагала от села к селу, стучалась в убогие жилища крестьян, завоевывала симпатии недоверчивых стариков. Она почти всегда добивалась своего и радовалась, как ребенок, когда дребезжащие старческие голоса запевали, возрождая из почти полного забвения очередную песню. Виолета не расставалась с блокнотом, записывая слова и подробности «авторского» исполнения. Когда удалось раздобыть довольно громоздкий магнитофон польского производства, с Виолетой начал ездить сын Анхель.

Он вспоминал, что в деревушках, до которых они с большим трудом добивались, часто не было электричества, и магнитофон оказывался бесполезным. Но и при наличии электричества возникали проблемы. Если не было нужного напряжения, запись «плыла», и в итоге все усилия шли насмарку. Тем не менее, Анхель не роптал, интуитивно доверяя матери. Он понимал, что она права, когда повторяла: «Мы спасаем культурную память чилийского

народа».

«Это обращение к истокам сблизило ее с прошлым, позволило многое понять в сути своего народа. Месяцы интенсивной работы радикально изменили ее - и внешне, и внутренне, - словно она впитала в себя все увиденное и услышанное и околдовалась им настолько, что легко отличала подлинный фольклор от подделок под него. Подлог стал невозможным, - пишет ее биограф Фернандо Саес. - Она стала абсолютной представительницей той культуры, которая до нее пребывала сокрытой».

Позднее сама Виолета написала: «Жизнь началась в 35 лет». Как будто все годы предыдущих лишений были только прелюдией настоящей судьбы. Ее воля, ее память, ее талант позволили осуществить задуманное: она собрала около 3-х тысяч песен и фактически подготовила книгу «Песенный фольклор Чили».

Однако когда она показывала собранный материал в Сантьяго, то неизменно наткнулась на стену непонимания. Магнитофонные записи, на которых фоном для песен были звуки повседневной жизни, голоса детей, крики домашних животных, не вызывали у кабинетных ученых никакого интереса. Виолета обратилась за помощью к руководству университета города Консепсьон, предлагая создать «Большую фольклорную симфонию», и в надежде, что ее поддержат, вручила своим собеседникам кассеты с уникальными записями. Но им не придали значения, и большая часть бесценного сокровища была утрачена. Не исключено, что это была политическая месть. Свои связи с коммунистами Виолета не скрывала, а университет в Консепсьоне долгие годы контролировала местная масонская ложа. Но Виолета не сдавалась: «Каждый недруг придает мне силы, - говорила она. - Из каждой насмешки надо мной я выношу страстное желание продолжать свою работу. Из каждой доставленной мне боли. Из каждого нанесенного мне удара...»

Как это часто бывает, поддержку она нашла у иностранцев, живущих в Чили. Аргентинец, директор звукозаписывающей фирмы, в 1955 году подписал с ней контракт на запись пластинки «Фольклор Чили», а знакомый уругваец привел ее на радио. Передача «Поет Виолета Парра», в которой она рассказывала о спасенных песнях, о людях, которых встретила на затерянных дорогах Чили, о народных обычаях и обрядах, встретила такой восторженный отклик у слушателей, что редакцию буквально завалили письмами. «В твоём голосе, Виолета, звучат тысячи чилийских голосов», - таким был их лейтмотив. В том же году она получила премию «Кауполикана» как лучшая фольклористка года. Церемония награждения прошла не где-нибудь, а на сцене рафинированного Муниципального театра!

Вслед за этим событием Виолету пригласили на Фестиваль молодежи и студентов в Варшаву. Первая зарубежная поездка, счастливый для нее 1955-ый год...

В Европе пришлось задержаться. Она жила в дешевых отелях, зарабатывала пением в кафе-ресторанах, но также - записывала чилийские песни для ЮНЕСКО, для Национальной фонотеки Франции при Сорбонне, представляла Чили на Международном фольклорном фестивале в Париже, в Лондоне оставила свой голос в архивах Би-Би-Си, участвовала в теле- и радиопрограммах.

Но как бы великолепно ни шли дела в Париже, надо было возвращаться к чилийским берегам, к семье, к родному очагу: письма и подарки не возмещали ее отсутствия. Долгие месяцы разлуки с домом были омрачены смертью младшей дочери, и, в конце концов, привели к разводу с Луисом Арсе.

После «крещения Европой» Виолету стали наперебой приглашать фирмы грамзаписи. Одна за другой выходили ее пластинки «Ла Тонада», «Ла Куэка», «Композиции»... Виолета Парра продолжила сбор и изучение народных песен, но теперь не на свой страх и риск, а по многоцелевому исследовательскому проекту университета Консепсьона, в котором сменилось руководство. Этот проект вдохновил ее, она с азартом окунулась в работу. Результаты ряда экспедиций превзошли самые радужные мечты: записи новых песен, ценные находки - старинные музыкальные инструменты, чудом уцелевшие предметы быта, одежды. Виолета была по-настоящему счастлива, когда университет выделил ей помещение для создания Музея фольклора, который был открыт в январе 1958 года.

Но официальная власть к ней по-прежнему была равнодушна. Более того, когда в 1958 году в США отмечались дни Чили и хозяева-устроители захотели пригласить к себе Виолету, чилийское правительство воспрепятствовало ее поездке. Опять вмешалась политика? Шли годы «холодной войны»: не захотели пускать «красную певичку» в Соединенные Штаты?

Сотни открытых, прослушанных и изученных народных песен дали мощный импульс собственному творчеству Виолеты Парра. Не только пополнялась «заветная тетрадь» со стихами - это были ее «Десимы» («Decimas»), опубликованные Никанором через четыре года после смерти Виолеты, - но рождались собственные песни, которые она записывала на пластинки, исполняла по радио и на концертах. В творческое наследие Виолеты входит 231 песня!

Однажды Виолета получила чек из США: известный оркестр Бакстера включил в репертуар ее песню «Черная свадьба» («Casamiento de Negros») и заплатил в полном соответствии с законом об авторских правах, о существовании которого она прежде и не слышала. На эти деньги Виолета купила небольшой участок земли на окраине Сантьяго, в Ла-Рейне, и построила простенький домик со стенами в доску толщиной. В этом районе селились тогда люди интеллектуального труда со средними доходами. Там же находился дом Никанора.

Обитал в Ла-Рейне и Пабло Нерудо с женой Делией дель Карриль, у которых Виолета как-то выступила с сольным концертом. В тот вечер хозяин простудился и отлеживался в спальне. Среди многочисленных гостей были поэты, актеры, художники, руководители компартии, университетские преподаватели. Многие из них годами позже восторженно делились своими воспоминаниями о концерте. Но в тот день маленькая, скромно одетая, похожая на крестьянку женщина произвела странное впечатление. Ее тонкий, порой пронзительный голос звучал непривычно. Она не заигрывала с залом, не делала эффектных жестов, не форсировала звук. Она просто пела, увлекая словами и мелодией. И некоторым гостям Неруды ее исполнение показалось слишком мрачным и монотонным.

Песни Виолеты Парра сейчас включены в репертуар многих известных певцов и музыкантов не только Чили, но и других стран, и часто имеют гораздо больший успех, чем при ее жизни в ее собственном исполнении. Считается, что именно Виолета Парра проложила дорогу «политической песне» - «песням протеста», ставшим особенно популярными в 60-е годы: движение «Новая чилийская песня» объединяло таких певцов и музыкантов, как Роландо Аларкон, Патрисио Маннс, Тито Фернандес, Сильвия Урбина, Глория Бенавидес, Виктор Хара, группы «Инти Ильимани», «Килапаюн», «Апаркоа» и т.д.

Часто песни Виолеты подобны разговору со слушателями, они рассчитаны на живую реакцию зала, на прямое участие-сотворчество аудитории. Ее песни преисполнены внутреннего бунта, побуждают к действию. Одна из них - «Нужен партизан» - навеяна образом национального героя Мануэля Родригеса. Виолета словно говорит: «Именно такого героя не хватает Чили, чтобы положить конец социальному неравенству».

Стоит ли удивляться, что исполнение некоторых ее песен запрещалось? В Аргентине, например, Виолете не разрешили петь «Беднякам некуда обратить свои взоры». Довольно часто ей «не рекомендовали» исполнять такие песни как «Мне нравятся студенты», «Вставай, индеец!», «Что скажет святой отец» и «К центру несправедливости».

В сентябре 1958 года Виолета в первый раз взялась организовать собственную «фонду»: большие крытые брезентом павильоны традиционно устанавливаются с разрешения властей в городских парках, чтобы жители могли достойно отметить национальные праздники. В таких импровизированных «клубах» простой народ дни и ночи напролет поет и танцует, пьет вино и хмельную чичу с окрестных виноградников, наслаждается обожаемыми пирожками-«эмпанадами», в изобилии поглощает аппетитные куски «асадо» - жареного на решетке мяса. Конечно, на затею с «фондой» Виолету толкнула нужда.

Надо ли говорить, что основные заботы она взвалила на себя: от налаживания бесперебойной работы кухни до организации концерта. И сделала все по высшему классу: в

ее павильоне звучали самые лучшие голоса Чили - Сильвия Урбина, Габриэла Писарро, Роландо Аларкон, Виктор Хара и, конечно, она сама и ее дети. Но концерт концертом, а заработок в первую очередь, ведь из-за него все и организовывалось. Рассказывают, что когда Виолета замечала, что публика мало ест, она брала поднос с эмпанадами, шла от стола к столу, говорила: «Попробуйте, я сама это пекла!» и потом... спокойно включала благодарно поглощенные пирожки в общий счет - к удивлению клиентов, думавших, что это был подарок. «Возражения не принимаются, - непререкаемо вскидывала голову Виолета, - у нас даром никто не работает»...

В 1959 году она тяжело заболела: жестокий гепатит на несколько месяцев приковал ее к кровати. Для любого смертного эти бесконечные дни и ночи были бы выброшенными из жизни. Но не для Виолеты. Для нее постельный режим трансформировался в творческий отпуск, позволивший ей раскрыть неизвестные прежде грани дарования. Едва она почувствовала себя лучше, ее глаза приметили кусок холста, предназначенный для занавески. Тут же нашелся моток шерсти. Попробовала вышивать.

Благодаря документальному фильму, который был снят в Швейцарии спустя несколько лет после «больничного отпуска» Виолеты, сохранился ее рассказ о том, как она научилась делать свои ковры. «Я начала вышивать, когда была больна, не ставя перед собой никакой особой цели. У меня ничего не получалось. Да я и не знала, чего именно хотела добиться. Однажды я захотела вышить цветок. Но не сумела. Когда сделала последний стежок, то увидела, что вместо цветка получилась бутылка. Решила добавить к ней пробку, но она получилась похожей на голову. Тогда я вышила глаза, нос и рот... И вместо бутылки на свет появилась женщина, подобная тем, которые каждый день ходят в церковь, чтобы помолиться, такая святоша. А все потому, что я не умела вышивать и использовала самый простой стежок».

Первый опыт воодушевил Виолету. Она попросила снабдить ее мотками разноцветной шерсти и тканью и начала стежок за стежком компоновать свои уникальные ковры-холсты. Она обходилась без предварительной прорисовки будущей композиции и могла начать работу с любого угла натянутой ткани. Вся дальнейшая работа была гениальной импровизацией. Возникавшие композиционные и технические проблемы Виолета решала чисто интуитивно, и когда считала, что настало время поставить «точку», вернее, сделать последний стежок, оказывалось, что гармоничное единство формы и содержания достигнуто. Виолета вышивала портреты детей и друзей, бытовые сцены из повседневной жизни и истории страны, воплощала (очень по-своему) религиозные сюжеты. «Корабль-призрак Калеуче», «Морское сражение при Икике», «Христос в бикини», «Гитарист», - вот характерные названия некоторых ее ковров-шедевров.

Никого не удивило, когда Виолета увлеклась лепкой из греды - особой глины, которая есть только в Чили. На подъездах к Чильяну, где прошла большая часть ее детства, разбросаны деревушки, славящиеся изделиями гончарно-сувенирного промысла. Виолета часами пропадала в мастерских, где происходило таинство превращения глины в звонкую изящную керамику. Поэтому в художественной лепке для Виолеты не было секретов. Она с поразительной легкостью создавала фигурки людей, птиц, зверей, используя образы и сюжеты, характерные для керамики древних индейских народов, некогда населявших Чили. Можно только пожалеть, что эти работы не уцелели. Прежде всего, из-за того, что Виолета не относилась всерьез к своему увлечению, не доводила творческий процесс до конца - обжигала изделия в специальных печах. Но опыты с глиной позволили ей позднее со знанием дела заняться миниатюрной скульптурой с использованием проволоки и папье-маше.

В декабре 1959 года в Сантьяго была проведена Первая ярмарка работ изобразительного и прикладного искусства. На открытом воздухе в парке Форесталь, на берегу реки Мапочо, сотни художников и скульпторов выставили на обозрение и продажу свои творения: картины, скульптуры, керамику. Художники созидали на глазах у публики, демонстрируя изощренность своих технических приемов. Разложила свои вышитые холсты и фигурки из греды и Виолета Парра. Судя по воспоминаниям о той ярмарке, покупателей на ее работы не нашлось. Непривычное отпугивает, а чилийцы весьма консервативны в своих вкусах. Сегодня наверняка многие из этих мемуаристов жалеют, что поспешили, прошли мимо холстов самой Виолеты Парра. Что ж, мы всегда сильны задним умом...

Следующий год тоже можно считать этапным в жизни и творчестве Виолеты. Во-первых, она познакомилась с Жильбером Фавре, своей последней и трагической любовью. Он приехал в Чили из Швейцарии с археологической экспедицией. Интерес к фольклору привел его в дом Виолеты. Фавре - человек свободной профессии, учился в консерватории по классу кларнета, играл на многих музыкальных инструментах, искреннее интересовался музыкой андских народов. В Южной Америке его покорила индейская флейта кена (quepa), на которой он и стал играть, выступая вместе с Виолетой.

А во-вторых, сама она решила попробовать себя... в создании картин. Ее дом превратился в мастерскую художника. И снова полная «самодеятельность»: перед нею - несколько листов картона, потому что ею задуман цикл на темы повседневной жизни чилийцев. Виолета набирает краску на кисть и наносит четкие, продуманные мазки на каждый картон. Потом меняет краску - и опять, словно на конвейере, но только не уныло-механическом, а на созидательном, дающем полный простор для импровизации, гротеска, черного юмора, патетики. Творчество - увлекательная игра. Вот как она сама рассказывала об этом: «Когда я работала с маслом, мне было сложно каждый раз чистить кисть. Это было непростительным расточительством драгоценного времени. И тогда я решила: все, что нужно нарисовать черным цветом, я рисую черным за один раз. Да и настроение, когда работаешь с черным, совсем не такое, как с красным, например. И так - при каждой перемене цвета. А если делать все по правилам, то нужно нанимать секретаршу, чтобы она всякий раз чистила кисти и содержала их в порядке».

При такой «серийной» работе Виолета должна была четко видеть в своем воображении сюжеты, персонажей, композицию и цветовую гамму сразу всех задуманных картин. На подобные эксперименты отваживались очень немногие художники: Пикассо, Сальвадор Дали, Малевич. Но именно так рождались, к примеру, ее картины «Праздник», «Отпевание ангелочка», «Крестьянские похороны».

Множились песни, холсты, картины, но атмосфера вражды и неприятия творчества Виолеты Парра в Чили сохранялась. Как и прежде, ее окружала глухая стена непонимания, вечная нужда, изнурительные поиски заработка. В 1962 году она уехала в Аргентину, а затем на европейский континент, где присоединилась к чилийской делегации, направлявшейся на молодежно-студенческий фестиваль в Финляндию. Среди чилийских артистов - ее дети Исабель и Анхель. После фестиваля семейство Парра выступило с гастролями в некоторых странах Европы. Побывали они и в СССР, где гостей из далекой Латинской Америки встретили с восторгом. И это понятно: героическая эпопея Фиделя Кастро и его «барбудос» пробудила у советских людей огромный интерес к Пылающему континенту...

В 1962-1964 годах Виолета живет в Женеве, на родине Фавре, или в Париже, где у нее уже есть определенное имя, контракты, постоянный заработок. В 1964 году происходит историческое событие не только в личной жизни художницы Виолеты Парра, но и в культурной жизни Чили, а может, и всей Южной Америки. 18 апреля в Музее декоративного искусства при Лувре открылась выставка работ Виолеты Парра! На ней были представлены 22 вышитых холста, 26 картин и 14 скульптур. До Виолеты ни один представитель латиноамериканского искусства не удостоивался при жизни персональной выставки в знаменитом парижском музее.

Поверить в это было трудно. «Как я попала в Лувр, я - самая некрасивая женщина планеты, родом из маленькой страны на краю света?» - восклицала Виолета в одном из писем на родину.

Успех был огромный. Критика отмечала «народную свежесть», «прекрасный цвет», «выразительность фигур», «необыкновенное чувство линии». До закрытия выставки Виолета постоянно находилась в зале, музицируя на гитаре или работая над новыми холстами. Многие работы Виолеты были проданы известным европейским коллекционерам «наивного искусства», и кто-то из ее друзей озадаченно заметил: «А ведь это те самые холсты, что были выставлены в парке Форесталь на ярмарке искусств!»

Луврский апофеоз Виолеты был во всех подробностях запечатлен кинодокументалистами. Она достойно представляла свою страну, хотя, возможно, кое-кому из «официальных чилийских лиц» не пришлась по вкусу песня «Чилийка в Париже», специально сочиненная и исполненная Виолетой на французском языке. Вот ее начало: «Приветствую вас, французы, со всей страстью индейской крови, бегущей в моих жилах». Многими чилийцами даже косвенный намек на историческую и генетическую общность с индейцами, населявшими когда-то большую часть территории их страны, воспринимается с обидой, а то и как оскорбление.

К месту отметить, что в 1997 году, когда во Францию с государственным визитом приехал президент Чили Эдуардо Фрей, в Лувре снова была развернута выставка работ Виолеты Парра. На ее открытии вся делегация, в том числе и президент с супругой, пели песни своей гениальной соотечественницы.

Большая часть работ Виолеты Парра в кровавые сентябрьские дни 1973 года находилась в Чили. Позднее они были тайно вывезены на Кубу, где хранились в Музее Дома Америк, пока наследники не создали Фонд Виолеты Парра. В настоящее время в Фонде, который возглавляет Исабель Парра, дочь Виолеты, имеется 14 ковров, несколько десятков картин, рукописи и неизданные музыкальные сочинения. Достоверных данных о количестве ее работ, разбросанных по частным коллекциям, нет, хотя известно, что очень многое из своей сокровищницы Виолета щедро раздаривала друзьям или утратила при переездах.

На родине к работам Виолеты Парра начали приглядываться только после выставки в Лувре. Однако ценность ее работ до сих пор дискутируется, и в государственных музеях их нет.

Из Чили, между тем, приходили обнадеживающие вести: в лучшую сторону менялась политическая ситуация, заметно рос интерес к авторской песне, появлялись новые яркие певцы и интересные ансамбли. Виолета заторопилась домой. Приехала, полная амбициозных планов. Самой заветной ее мечтой было создание в Сантьяго Центра народного искусства, постоянной сцены для концертов. После долгих хлопот и утомительных хождений по начальникам - добилась! Ей выделили участок земли в Ла-Рейне. Это и сейчас район далекий от центра и оживленных транспортных маршрутов. А в 60-е годы добираться до этой городской окраины было еще сложнее.

Но попытка не пытка. На улице Каньяда, 7200, растянули большой красный шатер наподобие циркового, расставили скамейки, обустроили сцену, отделили пространство для кулис и жилья. «Карпа де Ла-Рейна» - такое название дала своему Центру Виолета. Не было ни водопровода, ни канализации, ни электричества. И все-таки, когда в вечерний час внутри шатра зажигали свечи, «Карпа де Ла-Рейна» фантастически преображалась. 17 декабря 1965 года Центр был открыт при большом стечении народа. Но такого количества зрителей в «Карпа де Ла-Рейна» больше никогда не было. Виолета много пела сама, приглашала молодых певцов и молодежные ансамбли, старалась изо всех сил разнообразить программу вечеров, но уже ближайшие праздники - Рождество и Новый год - подтвердили, что перспективы на превращение «фантастического» шатра в эпицентр культурной жизни столицы не было никакой.

В это же время в центре Сантьяго на улице Кармен, 340, в двух шагах от Санта-Лусии, дети Виолеты, Исабель и Анхель, которые давно пели дуэтом и выступали самостоятельно, открыли свою «пенью». Так в Чили называются клубы-кафе с маленькой сценой и столиками, где можно послушать и исполнить песни, выпить стакан вина, съесть парочку-другую эмпанад. Именно там во всю мощь зазвучала «новая чилийская песня». «Трибуна мятежных певцов», - так нередко называли эту «пенью». К дому на улице Кармен выстраивались длинные очереди, вызывая тихую ревность у Виолеты.

Самое горькое, однако, было в другом: Жильбер объявил, что уезжает в Боливию. Навсегда. Виолета пережила сильнейший нервный срыв и в середине января 1966 года пыталась покончить с жизнью, перерезав себе вены. К счастью, друзья успели вовремя доставить ее в больницу. Оправившись, она поехала в Боливию, все еще надеясь на примирение с

Жильбером. Но безуспешно. К тому же, рядом с ним была молодая спутница. Впервые Виолета ощутила, насколько она старше Жильбера! Их разделяло 18 лет...

В этом тяжелом для Виолеты году она сочинила самые лучшие свои песни - «Рун-Рун уехал на север», «Вернуться в 17 лет» - поэтическая жемчужина! и «Спасибо жизни». По мнению упомянутого выше биографа, эта песня - «Gracias a la vida» - не столько гимн жизни, как принято считать, сколько поэтическое подведение итогов, «трагический пересчет утрат». Возможно, это просто прощальная песня. Так или иначе, внутренняя боль действительно пронизывает и текст, и мелодию этой песни. Наверное, именно поэтому некоторые певцы исполняют ее с чрезмерным надрывом, на страдальческой ноте, хотя сама Виолета пела сдержанно, почти вполголоса. Потрясающие слова и гениальная простота мелодии! Лучшая чилийская, а может быть, и латиноамериканская песня XX века.

В декабре 1966 года Виолета записала названные выше произведения на пластинку, которую назвала «Последние песни Виолеты Парра». Фактически они стали ее завещанием...

В январе следующего года пластинка появилась в продаже. Но радости от этого Виолета не испытала. С ансамблем «Лос Хайрас» приехал на гастроли в Чили Жильбер Фавре. Он объявил о своей женитьбе на молодой боливийке.

Все чаще Виолета напевает давно услышанную старинную песню: «Когда ты соберешься жениться, сообщи мне, чтобы я подготовила два праздника - твоей свадьбы и моей смерти». Родные, обеспокоенные состоянием Виолеты, решили выпроводить ее за пределы страны: вначале в Аргентину, потом в Европу. Была назначена дата отъезда - 8 февраля, куплены билеты. Но 5 февраля, в жаркий воскресный день Виолета поставила точку на своей жизни, нажав на спусковой крючок револьвера, который купила в Боливии во время той роковой поездки...

В Чили нет памятных мест, связанных с жизнью и творчеством Виолеты Парра. Если наследие «эпикурейца» Пабло Неруды вписалось в неолиберальную действительность и три его дома, расположенные в живописнейших местах Сантьяго и побережья, стали доходными культурными и туристическими центрами, то от Виолеты, кроме творчества, не осталось ничего. На месте ее последнего обитания - на улице Каньяда, там, где располагался Центр народного творчества, - давит бетоном жилая многоэтажка, на которой нет даже памятной доски, посвященной Виолете.

Музей фольклора, который она открыла в университете Концепсьона, незаметно прекратил свое существование. В фондах Музея изящных искусств нет ни одной работы Виолеты Парра. В государственном архиве нет оригинальных записей песен, напетых ею, только копии. Невозможно найти не только альбомы с репродукциями ее работ, но даже открытки. Лишь в Национальной библиотеке есть хороший архив публикаций о Виолете Парра, который и был использован при написании этой статьи.

По решению наследников Виолеты Парра все, что сегодня принадлежит Фонду ее имени, будет передано религиозной организации «Приют Христа». Это решение продиктовано суровыми реалиями жизни. Надежды на государство никакой. Последний пример - безобразное отношение чиновников к судьбе творческого наследия недавно умершего классика чилийской литературы Хосе Доносо. А «Приют Христа» не раз доказывал, что умеет бережно и благоговейно распорядиться вверенным ему богатством.

Нельзя сказать, что в Чили игнорируют заслуги Виолеты Парра, хотя празднование 80-летия со дня ее рождения получилось не таким пышным, как планировалось. Но торжественное собрание провели, хорошие слова сказали и вручили ее брату Медаль Габриэлы Мистраль, которой посмертно отметили заслуги Виолеты Парра перед родиной. В Сан-Карлосе собирались поставить памятник. В связи с этим создали специальную комиссию в парламенте. К сожалению, решение о возведении памятника до сих пор не принято. Домик, где Виолета родилась, к юбилею, правда, покрасили. Но и только: дом такой дряхлый, что его страшно трогать, того и гляди - рассыплется.

Похоронена Виолета на Центральном кладбище в Сантьяго. На скромном надгробье из темно-коричневого базальта цветы есть всегда. Для людей, которые их приносят, могила Виолеты Парра является как бы частью находящегося рядом белокаменного мемориала, посвященного жертвам военной диктатуры.

Время течет, но завеса тайны, существующей вокруг странного, нерасшифрованного, неразгаданного гения Виолеты Парра, сохраняется до сих пор. От знакомых чилийцев не раз приходилось слышать: «Она так и останется непонятой. Мы просто не доросли до нее. Виолета Парра родилась не на земле, она пришла с другой планеты».

Может быть, именно в этом и заключается тайна ее гениальности?